

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ЦИФРОВОГО ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО АДАПТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация

В статье анализируется международный опыт цифрового диалога власти и общества в США, странах Европы и Азии с позиций институционального подхода. Показано, что эффективность цифровых коммуникаций определяется не технологическим уровнем, а степенью их встроенности в систему публичного управления. Обосновываются возможности и ограничения адаптации зарубежных практик цифрового диалога в российском политико-административном контексте.

Введение

Цифровизация публичного управления в последние годы привела к качественному расширению каналов политической коммуникации между государством и обществом. Социальные медиа, специализированные цифровые платформы об-

ратной связи, онлайн-консультации и сервисы мониторинга общественных запросов стали неотъемлемой частью современной публичной политики как в зарубежных странах, так и в России. Однако расширение цифровых каналов взаи-

---

СЕРЕБРЯКОВ Александр Игоревич – аспирант кафедры политологии и политического анализа Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: aiserebryakov@yandex.ru

Ключевые слова: цифровой диалог, цифровая среда, государство и общество, цифровая политическая коммуникация, социальные медиа, публичное управление

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_53

модействия между государством и обществом не всегда сопровождается формированием устойчивого цифрового диалога, что актуализирует вопрос о реальном содержании и институциональной роли цифровых коммуникаций в публичной политике

Одновременно с этим цифровая среда становится пространством нарастания кризиса доверия и легитимности публичной власти. В условиях фрагментации публичной сферы, платформенной сегментации аудитории и усиления поляризации цифровых дискуссий формирование управляемого и результа-

тивного диалога между государством и обществом оказывается одной из ключевых задач современного публичного управления.

В этой связи актуальной научной задачей становится комплексный сравнительный анализ международного опыта цифрового диалога власти и общества, прежде всего в странах Европы, США и Китая с целью выявления тех элементов и механизмов, которые потенциально могут быть адаптированы в российской практике, а также тех, перенос которых ограничен институциональными, политико-правовыми и социокультурными особенностями.

Цифровой диалог власти и общества как объект политологического анализа

Преимущества присутствия органов власти в социальных сетях признаются в научной литературе практически единодушно [1], поскольку данные платформы предоставляют новые возможности для оперативного взаимодействия между гражданами и государством. За относительно короткий период времени социальные медиа стали значительным элементом электронного правительства [2] и важной составляющей отношений между публичными организациями и населением [3].

Современные исследования подчеркивают, что цифровые коммуникации органов власти могут реализовываться в различных форматах, отличающихся по глубине взаимодействия и степени

вовлеченности граждан в управленческие процессы [4, с. 7]. Использование социальных медиа органами власти нередко описывается через поэтапные модели, отражающие различную глубину цифрового взаимодействия между государством и гражданами. Одним из распространенных подходов является выделение трех фаз коммуникации: распространения информации, взаимодействия и транзакций [5, с. 45; 6, с. 5]. Первая фаза предполагает использование социальных сетей преимущественно как канала одностороннего информирования, при котором граждане выступают пассивными получателями сообщений. На фазе взаимодействия коммуникация приобретает дву-

сторонний характер за счет комментариев, откликов, репостов пользователей и ответов со стороны органов власти, однако влияние граждан на принятие решений остается ограниченным. Наиболее развитая фаза транзакций характеризуется интеграцией цифровых платформ в управленческие и административные процессы, что позволяет использовать социальные медиа не только для коммуникации, но и для реализации публичных функций и участия граждан в управленческом цикле. Данная типология позволяет аналитически разграничить уровни цифрового взаимодействия и оценить степень институционализации цифрового диалога власти и общества.

В научной литературе цифровой диалог рассматривается как элемент более широкого процесса сетевизации публичной политики, связанного с ослаблением иерархических моделей управления и развитием горизонтальных коммуникаций [4, с. 11; 7, с. 259]. Вместе с тем эмпирические исследования муниципальных практик в странах Центральной и Восточной Европы показывают, что использование цифровых платформ органами власти нередко ограничивается функциями информирования, тогда как интерактивность и влияние граждан на процесс принятия решений остается несущественным [6]. Аналогичные тенденции выявляются и в российской практике, где цифровые коммуникации органов власти часто находятся на ста-

диях «регистрации и информирования» [5, с. 48].

Существенное влияние на характер цифрового диалога оказывает институциональный контекст. В странах Европы и США цифровые коммуникации развиваются в условиях децентрализованного публичного управления и активного использования частных цифровых платформ, что способствует расширению форм участия, но одновременно ведет к фрагментации публичной сферы и усилению платформенной сегментации общественного дискурса [8]. В российской практике цифровой диалог формируется в рамках более централизованной модели публичного управления и опирается на государственные платформы и специализированные структуры обратной связи, что повышает управляемость коммуникаций, но ограничивает разнообразие форм участия.

Для сопоставительного анализа международного и российского опыта цифрового диалога целесообразно выделить критерии его эффективности. Во-первых, инклюзивность, предполагающая доступность цифровых каналов для различных социальных групп и возможность участия широкого круга граждан. Во-вторых, интерактивность и наличие обратной связи, выражающиеся не только в сборе обращений, но и в их системной обработке, анализе и публичном учете. В-третьих, влияние на управленческие решения, позволяющее отличить цифровой диалог от формальных консультационных практик. В-четвертых,

институциональная устойчивость, включающая нормативное закрепление цифровых форм взаимодействия и их интеграцию в систему публичного управления.

Таким образом, цифровой диалог власти и общества следует рас-

сматривать как сложный институциональный механизм, эффективность которого определяется не уровнем технологической оснащённости, а качеством обратной связи и особенностями политико-управленческого контекста.

Международный опыт цифрового диалога власти и общества

Международный опыт цифрового диалога власти и общества демонстрирует многообразие институциональных моделей и практик, эффективность которых во многом определяется политико-управленческим контекстом, степенью децентрализации власти и ролью цифровых платформ в публичной сфере.

В США цифровой диалог власти и общества формируется в условиях высокой децентрализации публичного управления и активного использования негосударственных цифровых платформ. Так, платформы Twitter, Facebook¹ и YouTube активно применяются политиками не только как каналы распространения информации, но и как инструменты прямого общения с гражданами. Характерным примером является практика использования социальной сети X (до 2023 г. – Twitter) Дональдом Трампом для обращения к широкой аудитории без посредничества традиционных средств массовой информации. Такой формат коммуникации обеспе-

чивает оперативную обратную связь, однако одновременно способствует усилению общественной поляризации и становится источником острых политических дискуссий [4, с. 20].

Исследования показывают, что различные цифровые платформы формируют неоднородные модели политического участия: от пассивного потребления информации до активного создания и распространения политического контента. Так, платформа We the People предоставляет пользователям возможность инициировать петиции, которые при достижении установленного порога подписей подлежат официальному рассмотрению органами власти [8]. Такая платформенная сегментация приводит к фрагментации публичной сферы и затрудняет формирование единого пространства цифрового диалога между властью и обществом. В результате цифровые коммуникации в США нередко приобретают мобилизационный или конфликтный

---

¹ Принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией, деятельность на территории России запрещена.

характер, а их вклад в институционализированный диалог с органами власти остается ограниченным.

Европейский опыт цифрового диалога отличается большей степенью институционализации и ориентацией на публичные консультационные механизмы, в том числе на муниципальном уровне. Вместе с тем эмпирические исследования показывают, что даже в условиях развитых цифровых инфраструктур органы власти часто используют социальные сети и цифровые платформы преимущественно в информационных целях. Анализ практик городских администраций в странах Центральной и Восточной Европы свидетельствует о доминировании односторонней коммуникации и ограниченной интерактивности, а также о слабой связи цифровых каналов с процессом принятия управленческих решений. Говоря о конкретных инструментах, в странах ЕС высока активность использования социальной сети Facebook², реже используется Instagram³ и крайне редко – X (Twitter) [6].

Одним из примеров успешного вовлечения граждан в обсуждение социально значимых и стратегических решений с использованием онлайн-платформ в Евросоюзе является платформа Futurium, применяемая в рамках консультаций по вопросам цифрового развития и

другим направлениям политики. Данная платформа ориентирована на коллективную выработку идей и предложений с использованием социальных сетей, открытых данных и современных аналитических инструментов [4, с. 21].

В странах Азии цифровой диалог власти и общества развивается в рамках более централизованных моделей публичного управления, где ключевую роль играет государство как организатор и регулятор цифровых коммуникаций. Показательным в этом отношении является кейс региональных правительственных инициатив в Индонезии, где цифровой диалог рассматривается как управляемый инструмент вовлечения граждан в обсуждение социально значимых вопросов. Исследования показывают, что эффективность таких инициатив обеспечивается за счет политической воли руководства, стратегического планирования, формализации целей и показателей взаимодействия, а также постоянной оценки результатов цифровой коммуникации [9]. При этом цифровой диалог не носит спонтанного характера, а встроен в систему публичного управления, что позволяет сочетать расширение участия граждан с сохранением управляемости и институционального контроля.

Китайская модель взаимодействия государства и общества в

² Принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией, деятельность на территории России запрещена.

³ Принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией, деятельность на территории России запрещена.

цифровой среде также отличается высоким уровнем государственного регулирования и контроля над интернет-пространством. Национальные платформы, такие как Weibo и WeChat, используются не только в качестве каналов коммуникации и распространения информации, но и как инструменты мониторинга общественной активности. Операторы данных платформ обязаны по запросу предоставлять информацию о пользователях государственным органам, а публикуемый контент проходит строгую проверку на соответствие официальной политике [4, с. 21]. Изначально платформа Weibo занималась только информированием о деятельности правительства, но со временем ее ресурс стал использоваться для сбора общественного мнения. Сервис WeChat имеет по сравнению с Weibo более широкий функционал и позволяет предоставлять государственные услуги онлайн, однако не предполагает обратной связи. Сервис TikTok используется правительством Китая для коммуникации с молодежью. В нем размещают короткие

информационные видео и проводят прямые эфиры [10, с. 156].

Сопоставление американского, европейского и азиатского опыта позволяет сделать вывод о том, что цифровой диалог власти и общества не имеет универсальной модели и развивается в зависимости от институциональных условий и политико-административной логики конкретных государств. В то время как в США цифровые коммуникации преимущественно формируются вне рамок государственных институтов и характеризуются высокой степенью фрагментации, в Европе цифровой диалог чаще принимает консультативные формы, а в азиатских странах – развивается как управляемый и институционально встроенный механизм. Данный опыт демонстрирует, что успешность цифрового диалога определяется не столько технологическими возможностями, сколько степенью его институционализации и включенности в систему публичного управления, что имеет принципиальное значение для анализа перспектив адаптации международных практик в российском контексте.

Цифровой диалог власти и общества в российской практике

Российская практика цифрового диалога власти и общества формируется в условиях централизованной модели публичного управления и характеризуется высокой степенью институционализации цифро-

вых каналов коммуникации. В отличие от ряда зарубежных стран, где цифровые формы взаимодействия нередко развиваются фрагментарно и зависят от инициатив отдельных органов власти или му-

ниципалитетов, в России цифровая коммуникация государства с гражданами закреплена как обязательный элемент деятельности публичных институтов.

Одной из базовых характеристик российской модели является наличие у каждого органа государственной власти официального интернет-сайта, выполняющего функцию основного канала цифрового информирования. Через сайты обеспечивается доступ к нормативным актам, сведениям о деятельности органов власти, государственным услугам и официальным сообщениям. Данный уровень цифрового взаимодействия ориентирован прежде всего на повышение прозрачности и доступности информации и в меньшей степени предполагает диалоговый формат взаимодействия.

Существенным этапом в развитии цифровой коммуникации стало нормативное закрепление присутствия органов власти в социальных сетях. В 2022 году был принят федеральный закон об обязательном ведении в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» официальных аккаунтов государственных органов, органов местного самоуправления и подведомственных организаций [11]. Это решение институционализовало социальные медиа как обязательный канал вза-

имодействия власти и общества и расширило возможности оперативной коммуникации с гражданами.

Ключевым элементом российской модели цифрового диалога является формирование централизованной инфраструктуры обратной связи, связанной с деятельностью всероссийского межведомственного центра компетенций в сфере интернет-коммуникаций «Диалог»⁴. В рамках данной системы в каждом субъекте Российской Федерации созданы центры управления регионом, ориентированные на мониторинг общественных запросов, поступающих через цифровые каналы, включая социальные сети, официальные сайты и платформы обращений граждан. Деятельность центров управления регионами направлена на агрегирование и анализ обращений, координацию взаимодействия органов власти и сокращение сроков реагирования на проблемы, поднимаемые гражданами. Отмечается рост доверия населения к таким форматам взаимодействия граждан с органами власти⁵.

Говоря о трендах этой системы, замгендиректора АНО «Диалог Регионы» Андрей Цепелев подчеркнул, что «госдиджитал выходит за рамки SMM. Губернатору интересны не отдельные жалобы в Сети, а анализ системных проблем и пред-

⁴ Диалог. Цифровые коммуникации // <https://dialog.info/about/ano-dialog/> (дата обращения: 27.11.2025).

⁵ Доверие жителей к диалогу с муниципальной властью в интернете растёт // <https://dialog.info/doverie-zhitelej-k-dialogu-s-municipalnoj-vlastju-v-internete-rastet/> (дата обращения: 19.11.2025).

ложения по их решению»⁶. Для этого используются такие инструменты, как онлайн-опросы, мониторинг обращений граждан, анализ медиополя и комментариев.

Создание единой сети центров управления регионами свидетельствует о стремлении государства выстроить управляемую и стандартизированную систему цифрового взаимодействия с обществом. В отличие от децентрализованных моделей цифрового диалога, характерных для США, российская практика ориентирована на интеграцию цифровых каналов коммуникации в вертикаль публичного управления. Это позволяет обеспечить сопоставимость данных, централизованный мониторинг общественных настроений и повышение управленческой эффективности, однако одновременно ограничивает вариативность форм цифрового участия и снижает автономию гражданских инициатив.

Положительным примером персонализированного цифрового диалога власти и общества является Telegram-канал Председателя Государственной Думы Вячеслава Володина⁷. Канал функционирует не только как средство политического

информирования, но и как площадка для регулярной обратной связи с гражданами: комментарии к публикациям остаются открытыми, пользователи имеют возможность высказывать мнение и формулировать вопросы по актуальным социально-политическим темам. Сам спикер Госдумы неоднократно подчеркивал значимость такого формата взаимодействия, отмечая, что «обратная связь необходима, поскольку без диалога нет доверия, а без доверия – развития»⁸. Обращения и позиции, высказанные пользователями в комментариях, используются при подготовке и обсуждении вопросов в рамках отчета Правительства РФ перед Государственной Думой. По данным аналитической компании Медиалогия, канал В. Володина стабильно входит в число наиболее просматриваемых политических каналов платформы⁹, что свидетельствует о высокой вовлеченности аудитории и востребованности данного формата взаимодействия. Указанный пример демонстрирует, что в российской практике цифровой диалог может эффективно реализовываться не только через формализованные институциональные структуры, но

---

⁶ Литвинов С. Чем запомнится госдиджитал в 2024 году: рассказывает замгендиректора АНО «Диалог Регионы» Андрей Цепелев // <https://fedpress.ru/article/3348293> (дата обращения: 27.11.2025).

⁷ Официальный канал Вячеслава Володина в Telegram // t.me/vv_volodin (дата обращения: 23.11.2025).

⁸ Володин: Комментарии в Telegram-канале воспринимаю как личное обращение // <https://www.pnp.ru/politics/volodin-kommentarii-v-telegram-kanale-vosprinimayu-kak-lichnoe-obrashhenie.html> (дата обращения: 23.11.2025).

⁹ Топ-20 политических каналов Telegram по просмотрам – октябрь 2025 // <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/14313/> (дата обращения: 23.11.2025).

и через персонализированные каналы политической коммуникации, встроенные в процесс принятия публичных решений.

В целом российская модель цифрового диалога власти и общества сочетает развитую инфраструктуру цифрового информирования и обратной связи с ограниченным использованием диалоговых и соуча-

ствующих механизмов. Цифровые коммуникации в значительной степени выполняют сервисную и управленческую функции, способствуя выявлению проблем и повышению оперативности реакции органов власти, но в меньшей степени ориентированы на включение граждан в выработку и корректировку публичных решений.

Заключение

Сопоставительный анализ международного и российского опыта цифрового диалога власти и общества показывает, что возможности адаптации зарубежных практик в России носят избирательный и контекстно обусловленный характер. Эффективность заимствования определяется не уровнем технологического развития, а институциональной логикой публичного управления и характером взаимоотношений государства и общества.

К числу адаптируемых элементов международного опыта относятся институционализация цифровых каналов обратной связи и их интеграция в управленческий цикл. Европейские и азиатские практики демонстрируют значимость формализованных процедур обработки обращений, прозрачных сроков реагирования и аналитического использования цифровых данных для корректировки управленческих решений. В российской практике данные элементы в значительной степени уже реализуются через систему официальных сайтов органов

власти, обязательное присутствие в социальных сетях и деятельность центров управления регионами, что создает основу для дальнейшего развития цифрового диалога в управляемом формате.

В то же время ограниченно применимыми в российском контексте являются модели цифрового диалога, основанные на высокой децентрализации, автономии местного самоуправления и доминировании негосударственных цифровых платформ, характерные для США. Платформенная фрагментация публичной сферы и мобилизационный характер цифровых коммуникаций в таких моделях снижают управляемость диалога и повышают конфликтный потенциал, что делает их прямой перенос в российскую систему публичного управления институционально затруднительным.

Аналогичным образом ограничен потенциал заимствования европейских практик цифрового участия, ориентированных на широкие общественные консультации и соучастие граждан в выработке реше-

ний. В условиях российской централизованной модели управления данные механизмы без соответствующего нормативного и институционального переосмысления рискуют носить формальный характер и не приводят к росту доверия к цифровым каналам взаимодействия.

В целом международный опыт показывает, что цифровой диалог власти и общества не является универсальным инструментом демократизации или повышения легитимности власти, а выступает управленческой технологией, эф-

фективность которой зависит от степени ее институциональной встроенности и ответственности органов власти за результаты взаимодействия. Для российской практики перспективным направлением является развитие цифрового диалога как управляемого и аналитически ориентированного механизма обратной связи, при одновременном ограничении попыток механического переноса зарубежных моделей, не соответствующих отечественным политико-административным условиям.

Список литературы

1. Faber B., Budding T., Gradus R. Assessing social media use in Dutch municipalities: Political, institutional, and socio-economic determinants // *Government Information Quarterly*. 2020. № 37 (3). P. 101484.
2. Bertot J.C., Jaeger P.T., Grimes J.M. Using ICTs to create a culture of transparency: e-government and social media as openness and anti-corruption tools for societies // *Government Information Quarterly*. 2010. № 27 (3). P. 264–271.
3. Mabillard V., Zumofen R., Keuffer N. Digital communication in Swiss cities: A closer look at the low adoption and usage of social media platforms in a technologically advanced and innovative country // *Information Polity*. 2021. № 26 (4). P. 341–354.
4. Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // *Креативная экономика*. 2025. Том 19. № 1. С. 9–30. DOI: 10.18334/ce.19.1.122329
5. Рослякова М.В. Социальные сети в деятельности органов исполнительной власти: адаптация к новым способам взаимодействия // *Социодинамика*. 2022. № 7. С. 42–56. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.7.38467
6. Zumofen R., Mabillard V., Pasquier M. Social media use in Central and Eastern European cities: Defining government-citizen relationships through phases // *NISPAcee 30th Annual Conference*. Bucharest, Romania (2–4 June 2022).

7. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс. 2018. 384 с.
8. Boulianne S., Copeland L., Koc-Michalska K. Digital media and political consumerism in the United States, United Kingdom, and France // *New Media and Society*. 2024. № 26. P. 2110–2130. DOI: 10.1177/14614448221083025
9. Praratya A., Sukmayadi V., Kamil D. Fostering Digital Dialogue: A Case Study of Government Social Media Initiatives in Advocating Social Participation // *Malaysian Journal of Communication*. 2024. № 40 (2). P. 362–379.
10. Вэй Чжан, Панкратова Л.С. Трансформация публичной коммуникации органов власти и граждан в Китае и России в условиях цифровизации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2023. Т. 28. № 3. С. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.14>
11. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления” и статью 10 Федерального закона “Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48052> (дата обращения: 21.11.2025).

SEREBRYAKOV Alexander I. – PhD Student at the Department of Political Science and Political Analysis, Russian State Social University, Moscow, Russia, e-mail: aiserebryakov@yandex.ru

Keywords: digital dialogue, digital environment, state and society, digital political communication, social media, public administration

Abstract

The article examines international practices of digital dialogue between government and society in the United States, Europe, and Asia from an institutional perspective. It demonstrates that the effectiveness of digital communication depends not on technological sophistication but on its integration into public governance structures. The study identifies both the potential and the limitations of adapting foreign digital dialogue practices to the Russian political and administrative context.

THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF THE DIGITAL DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY AND THE POSSIBILITIES OF ITS ADAPTATION IN RUSSIAN PRACTICE

References

1. Faber B., Budding T., Gradus R. Assessing social media use in Dutch municipalities: Political, institutional, and socio-economic determinants // *Government Information Quarterly*. 2020. № 37 (3). P. 101484.
2. Bertot J.C., Jaeger P.T., Grimes J.M. Using ICTs to create a culture of transparency: e-government and social media as openness and anti-corruption tools for societies // *Government Information Quarterly*. 2010. № 27 (3). P. 264–271.
3. Mabillard V., Zumofen R., Keuffer N. Digital communication in Swiss cities: A closer look at the low adoption and usage of social

media platforms in a technologically advanced and innovative country // Information Polity. 2021. № 26 (4). P. 341–354.

4. Morozova S.S. Digital dialogue: the role of social media and digital platforms in communication between the state and the citizen // Creative Economy. 2025. Volume 19. No. 1. P. 9-30. DOI: 10.18334/ce.19.1.122329

5. Roslyakova M.V. Social networks in the activities of executive authorities: adaptation to new ways of interaction // Sociodynamics. 2022. No. 7. P. 42–56. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.7.38467

6. Zumofen R., Mabillard V., Pasquier M. Social media use in Central and Eastern European cities: Defining government-citizen relationships through phases // NISPAcee 30th Annual Conference. Bucharest, Romania (2–4 June 2022).

7. Public policy: Institutions, digitalization, development: Collective monograph / Edited by L.V. Smorgunov. Moscow: Aspect Press. 2018. 384 p.

8. Boulianne S., Copeland L., Koc-Michalska K. Digital media and political consumerism in the United States, United Kingdom, and France // New Media and Society. 2024. № 26. P. 2110–2130. DOI: 10.1177/14614448221083025

9. Praratya A., Sukmayadi V., Kamil D. Fostering Digital Dialogue: A Case Study of Government Social Media Initiatives in Advocating Social Participation // Malaysian Journal of Communication. 2024. № 40 (2). P. 362–379.

10. Wei Zhang, Pankratova L.S. Transformation of public communication between authorities and citizens in China and Russia in the context of digitalization // Bulletin of Volgograd State University. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.14>

11. Federal Law No. 270-FZ of 07/14/2022 “On Amendments to the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies” and Article 10 of the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation” // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48052> (accessed: 21.112025).

Статья поступила в редакцию 13.01.2025 г.

Принята к публикации 27.01.2026 г.